

**«Преступление и наказание»:
военно-революционные трибуналы
1-й армии Восточного фронта
во второй половине 1918 — начале 1919 г.**

Евгений Наумов

**«Crime and Punishment»: the military revolutionary tribunals
in the Eastern Front's 1st army
in the second half of 1918 — the beginning of 1919**

Evgeniy Naumov

*(Mordovian Republican United Museum of Local Lore named after
I.D. Voronin, Saransk, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870006377-5

Особенности начального этапа строительства Красной армии в период Гражданской войны (крайне неустойчивый уровень дисциплины среди красноармейской массы и командного состава, негативное отношение населения к советской власти) потребовали принятия во второй половине 1918 г. срочных мер по наведению порядка в войсках и среди жителей прифронтовых территорий. Выполнение этой задачи возложили на карательные и судебные органы, среди которых наиболее значимыми являлись Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией¹, саботажем и преступлениями по должности (ЧК), а также военно-революционные трибуналы (ВРТ).

Историография создания и функционирования ВРТ, особенно армейских трибуналов, в Красной армии в годы Гражданской войны не столь обширна. Советские историки исследовали эту проблему в рамках изучения процесса становления в РСФСР военной юстиции. Одним из первых главные вопросы темы, основываясь на официальных положениях, разработанных и принятых в 1919—1920 гг., рассмотрел председатель Революционного военного трибунала Республики К.Х. Данишевский². Однако автор не исследовал особенности организации и деятельности армейских ВРТ на начальном этапе создания Красной армии во второй половине 1918 г.

В последующих работах историки ограничивались лишь упоминанием факта организации военных трибуналов, обращая особое внимание на их создание в 1-й армии (июнь 1918 г.) как первого судебного органа подобного типа³. При этом отмечались лишь отдельные детали, связанные с его деятельностью. Например, в работе А.П. Ненарокова, посвящённой Восточному фронту Красной

© 2019 г. Е.О. Наумов

¹ Под «контрреволюцией» понимается любое выступление против советской власти с целью реставрации дореволюционного строя.

² Данишевский К.Х. Революционные военные трибуналы. М., 1920.

³ Военные трибуналы — органы социалистического правосудия. М., 1958. С. 34; Титов Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987. С. 58.

армии в 1918 г., приведены несколько примеров дел, рассмотренных ВРТ 1-й армии в августе—сентябре⁴. В.П. Портнов и М.М. Славин впервые проанализировали положение о трибуналах 1-й армии, приведённое в приказе по объединению № 5 от 29 июня 1918 г.⁵

В современной историографии проблему создания и функционирования ВРТ армий и соединений Восточного фронта подробно рассмотрел Н.Н. Гороховский. Он также показал отношение центральных органов юстиции к организации данных судебных органов на местах, а также кадровый состав первых ВРТ. Несмотря на столь основательный подход к теме, деятельность ВРТ именно в 1-й армии Гороховский практически не затронул⁶.

Связанные с этим отдельные вопросы рассмотрел В.В. Абрамов. Исследователь представил численный состав армейских ВРТ и пришёл к выводу, что он менялся «достаточно произвольно» и отличался от кадровых штатов гражданских трибуналов. Автор установил время начала функционирования армейского трибунала (конец июля — начало августа 1918 г.) и охарактеризовал особенности вмешательства в его деятельность со стороны политических работников на примере действий политкомиссара О.Ю. Калнина⁷.

Цель настоящей статьи — на основе хранящихся в Российском государственном военном архиве (РГВА) отчётно-статистических материалов охарактеризовать некоторые особенности организации и функционирования ВРТ 1-й армии Восточного фронта; представить как факты недисциплинированного и «контрреволюционного» поведения ряда военнослужащих, гражданского населения, так и их оценку, данную через призму вынесенных политическими работниками вердиктов.

Несмотря на то что командование 1-й армии Восточного фронта буквально с начала её организации (19 июня 1918 г.) крайне нуждалось в ВРТ, их формирование постоянно откладывалось и затягивалось. Создание этих судебных органов инициировал назначенный 28 июня на должность командарма М.Н. Тухачевский. Уже на следующий день он отправил начальнику штаба Восточного фронта Н.В. Соллогубу телеграмму: «Организирую трибуналы во всех группах»⁸.

Согласно положению о революционных трибуналах⁹ (приказ по армии № 3 от 5 июля 1918 г.¹⁰) в составе 1-й армии предполагались три их вида: центральный (штаба армии) и ещё два — Симбирской и Пензенской групп войск. Ещё одну группу — Инзенскую должен был обслуживать трибунал штаба армии¹¹

⁴ *Ненароков А.П.* Восточный фронт. 1918. М., 1969. С. 132—133.

⁵ *Портнов В.П., Славин М.М.* Правовые основы строительства Красной армии. 1918—1920 гг. М., 1985. С. 198—199; *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России (1917—1922 гг.). М., 1990. С. 98—99.

⁶ *Гороховский Н.Н.* Становление и правовой статус военных трибуналов в Среднем Поволжье (ноябрь 1917 г. — 1922 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2004.

⁷ *Абрамов В.В.* Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918—1922 гг.) (по материалам Пензенской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004. С. 78, 127—128.

⁸ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 2; ф. 106, оп. 3, д. 1079, л. 28.

⁹ Разработкой данного положения занимался Разумов, который по состоянию на 23 июня 1918 г. числился казначеем штаба и инспектором снабжения (Там же, ф. 157, оп. 3, д. 655, л. 1). Приказом по армии № 13 от 8 июля 1918 г. М.Н. Тухачевский объявил Разумову благодарность за создание трибуналов (Там же, оп. 2, д. 6, л. 5).

¹⁰ Там же, ф. 1284, оп. 1, д. 480, л. 1.

¹¹ Там же, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 4—4 об.

(приказы о его создании — от 18 июля¹² и 4 августа 1918 г.¹³). Отдельные преступления армейские ВРТ рассматривали уже с середины июля, но приступили к исполнению обязанностей лишь 7 августа¹⁴, а их планомерная и регулярная работа началась только в конце этого месяца.

Трибуналы Симбирской и Пензенской дивизий формировались в августе—сентябре 1918 г. 1 августа политический комиссар первой из них — Б. Лившиц подписал проект приказа о создании трибунала «для борьбы с контрреволюцией, саботажем, шпионажем и разложением в армии»¹⁵. Однако даже месяц спустя он так и не вступил в силу. Об этом свидетельствует телеграмма, отправленная в административный отдел штаба 1-й армии её политическим комиссаром В.В. Куйбышевым¹⁶.

В Пензенской дивизии военно-судебный орган был создан 15 августа 1918 г., что подтверждено приказом № 33 — о прибытии трибунала в соединение и зачислении его членов «на провиантное, приварочное и чайное довольствие»¹⁷. Трибунал состоял из пяти человек — председателя и четырёх судей (положение от 5 июля 1918 г.)¹⁸. Председателя должны были избирать из состава судей большинством голосов (приказ по армии № 20 от 18 июля 1918 г.)¹⁹. Достаточно демократичным предполагался представленный в проекте приказа от 1 августа 1918 г. штат трибунала Симбирской дивизии: пять судей, обвинитель, защитник и военная комиссия в составе трёх человек²⁰. Однако впоследствии (приказ по армии № 64 от 13 сентября 1918 г.) состав трибуналов должен был ограничиться тремя членами и тремя кандидатами²¹.

В армейских соединениях данное положение не соблюдалось. Так, в состав трибунала Пензенской дивизии к 15 октября входили председатель, четыре судьи и секретарь²². Только 17 ноября Данишевский утвердил единые штаты армейского ВРТ: председатель, два члена трибунала, их заместитель, делопроизводитель, по два секретаря и машиниста²³.

Что же касается кадрового состава ВРТ, основную работу выполняли сотрудники политического отдела 1-й армии, которые при отсутствии необходимого юридического опыта обладали революционной сознательностью и чётко представляли себе процесс борьбы с контрреволюцией. В сводке политкомиссара Калнина от 5 июля 1918 г. сообщалось, что именно агитационному отряду политотдела под руководством Тищенко была поручена «организация военно-полевых трибуналов»²⁴. Согласно приказу по армии № 20 от 18 июля 1918 г. «в состав полевого трибунала должен обязательно входить политический

¹² Там же, оп. 2, д. 6, л. 6.

¹³ Там же, оп. 3, д. 629, л. 3.

¹⁴ Там же, д. 628, л. 10.

¹⁵ Военно-политическая деятельность В.В. Куйбышева на Восточном фронте (1918—1919 гг.) // Исторический архив. 1958. № 4. С. 92—93.

¹⁶ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 628, л. 141.

¹⁷ Там же, ф. 1284, оп. 1, д. 480, л. 42.

¹⁸ Там же, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 4—4 об.

¹⁹ Там же, л. 20 об.—21.

²⁰ Военно-политическая деятельность В.В. Куйбышева... С. 92—93.

²¹ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 102.

²² Там же, ф. 1284, оп. 1, д. 1078, л. 14 об.

²³ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее — ЦГА РМ), ф. Р-50, оп. 1, д. 37, л. 59.

²⁴ РГВА, ф. 106, оп. 7, д. 28, л. 8—9.

комиссар». Там же сообщалось о пополнении судебного органа работниками политического отдела²⁵.

Кроме того, на начальном этапе функционирования ВРТ 1-й армии происходила частая ротация кадров, которая тоже не способствовала быстрому налаживанию работы. По состоянию на 18 июля в состав трибунала входили: председатель Разумов, арбитры Швецов, Тищенко, Андреев и Шеховцев²⁶; на 3 августа — Козлов²⁷, Упелин, Коган, Разумов, Чернишев²⁸; на 22 августа — Козлов, Кубышкин, Надеждин, Пляцков, Минаков²⁹.

Следующее препятствие заключалось в длительном отсутствии в армии розыскных и следственных органов, предоставлявших дела в распоряжение трибуналов. Первоначально эти обязанности возлагались на комиссаров и политические отделы. В инструкции политкомиссарам войсковых частей армий Восточного фронта сообщалось, что «все возможные конфликты и разного рода преступления» следовало «передать в ротные или полковые товарищеские суды, а более важные дела — в ВРТ»³⁰. Оказывать содействие трибуналам должны были и местные органы власти. Например, 26 июля 1918 г. с целью борьбы с дезертирством начальник передвижения войск 1-й армии И.А. Морозов отправил в Саранск Пензенской губ. телеграмму: «Задерживать всех лиц первого Украина-Белорусского полка, арестовывать и представлять в революционный трибунал»³¹.

Позднее данные функции перешли к ЧК, сформированной только в начале августа 1918 г.³² Помимо того, что очень часто она самостоятельно, без оглядки на ВРТ, выносила приговоры по некоторым делам, трибуналы во многом зависели от армейских чекистов, имевших следственный отдел. Так, переезд ЧК в 20-х числах сентября из Разуевки, где находился штаб 1-й армии, в Симбирск после захвата его войсками объединения сильно затруднил работу трибуналов. В записке от 3 октября председатель ВРТ 1-й армии Козлов сообщал, что тем самым судебный орган остался без аппарата, в результате наблюдались «случаи, когда приводимые арестованные целыми часами с конвоем ожидали в Рузаевке, когда их здесь кто-нибудь примет»³³.

В этой связи у некоторых политических работников возникли сомнения в целесообразности организации ВРТ из-за наличия в губернских прифронтовых городах аналогичных судебных органов. Например, в упомянутой выше записке сообщалось о необходимости передачи всех дел в Пензенский и Симбирский губернские трибуналы, которые имели в распоряжении места заключения, охрану, готовые порядки следствия и решения дел. Обращалось внимание и на то, что армейские ВРТ собирались не чаще одного-двух раз в неделю, «и то, потому что случаи, происходившие на территории армии, не имели армейского

²⁵ Там же, ф. 157, оп. 2, д. 6, л. 5.

²⁶ Там же, оп. 3, д. 609, л. 20 об.—21.

²⁷ Там же, д. 628, л. 10.

²⁸ Там же, д. 609, л. 40.

²⁹ Там же, л. 84; д. 628, л. 112.

³⁰ Там же, оп. 2, д. 153, л. 16.

³¹ ЦГА РМ, ф. Р-37, оп. 1, д. 8а, л. 479.

³² См. подробнее: *Наумов Е.О.* Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности 1-й армии Восточного фронта летом—осенью 1918 г. // 1917 год в российской провинции. Сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Великой российской революции. Пенза, 2017. С. 170—176.

³³ РГВА, ф. 157, оп. 2, д. 6, л. 49—50.

типа». В качестве аргументов приводились и декрет СНК от 4 мая 1918 г., согласно которому деятельность армейских трибуналов была прекращена, и возникновение ведомственного параллелизма (территориальные и армейские ВРТ). В итоге армейские трибуналы предлагалось ликвидировать³⁴. Однако вместо этого 17 ноября их штат пополнился следственным отделом (два следователя, делопроизводитель, по два журналиста, машиниста и служителя³⁵), призванным разгрузить армейские ЧК от большого объёма работы.

Первоначально нечётко определялись круг лиц, в отношении которых следовало осуществлять судебные функции, а также преступления, подконтрольные ВРТ. Известно, что трибуналы Советской республики, созданные до начала Гражданской войны, должны были судить саботажников, шпионов, взяточников, торговцев, промышленников, чиновников, а также мародёров и хулиганов. Данный перечень приведён в декретах советского правительства о суде (от 22 ноября 1917 г.³⁶) и революционных трибуналах (от 4 мая 1918 г.³⁷).

Необходимость наличия в Красной армии чрезвычайных судебных органов обозначалась двояко. Так, в положении о революционных трибуналах 1-й армии Восточного фронта от 5 июля 1918 г. говорилось о соприкосновении войск объединения с неприятелем и о ведении им «подпольной деятельности», которую требовалось искоренить. Кроме того, трибуналы должны были рассматривать дела, связанные с контрреволюционной деятельностью, саботажем, неповиновением революционному начальству, изменой и предательством³⁸.

Впоследствии (приказ по армии № 28 от 2 августа 1918 г.) в список подсудных ВРТ преступлений включили: «1) дела о контрреволюции и попытках к свержению советской власти; 2) распространение ложных слухов с целью вызвать панику среди населения; 3) натравливание одной нации на другую, а равным образом и последствия того деяния (погромы и др.); 4) провокации; 5) шпионство; 6) побег со службы и оставление места во время боя с целью уклонения от него; 7) измена и предательство; 8) неисполнение приказа начальства; 9) самочинные обыски, реквизиции, аресты и мародёрство; 10) превышение и бездействие власти лиц командного состава, а также преступления по должности, как то подлоги и взяточничество; 11) спекуляция (сокрытие товаров, продажа выше нормированных цен в районе военных действий); 12) саботаж, а также сокрытие и уничтожение документов и имущества учреждений; 13) нарушение общественной тишины, буйство, хулиганство, имеющие политический характер»³⁹. Однако этот перечень не всегда учитывался при передаче дел в трибуналы, что приводило к межведомственным столкновениям, в частности с полковыми и ротными товарищескими судами, созданными приказом наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого от 23 июля 1918 г.

Положение о ротных судах обязывало революционные трибуналы рассматривать крупные и серьёзные преступления против Красной армии, в том числе неисполнение боевых приказов, а ротные суды — «незначительные проступки против воинского порядка, воинского долга и товарищества»⁴⁰. На практике же

³⁴ Там же.

³⁵ ЦГА РМ, ф. Р-50, оп. 1, д. 37, л. 59.

³⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 125.

³⁷ Там же. Т. 2. М., 1959. С. 233.

³⁸ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 4—4 об.

³⁹ Там же, л. 37—37 об.

⁴⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. М., 1942. С. 736.

всё обстояло иначе. «В последнее время всё чаще и чаще повторяются случаи предания Революционному трибуналу красноармейцев за самовольную отлучку, картёжную игру и прочие мелкие преступления, подсудные на основании приказа Народного комиссариата по военным делам за № 585 фронтовому местному суду и ротному товарищескому, — сообщалось в записке председателя ВРТ 1-й армии её политическому комиссару от 28 ноября 1918 г. — Время, затрачиваемое на перевозку таких арестованных красноармейцев под конвоем, может быть оценено дороже самого преступления, а само преступление несколько раз рассмотрено местным судом с большей продуктивностью для дела. Прошу ещё раз напомнить в приказе по армии всем командирам частей, подответственным политкомам, что суду революционного трибунала подлежат только лица Красной армии, совершившие преступления, перечисленные в приказе по армии за № 28 от 2 августа 1918 года и неподсудные местному фронтовому и ротному товарищескому суду»⁴¹.

Определённые нарекания к работе ВРТ имелись и у армейского руководства, позволявшего себе не только контролировать деятельность трибуналов, но и кардинальным образом в неё вмешиваться. Так, в конце октября 1918 г. за употребление спиртных напитков и кокаина арестовали сотрудника политического отдела Волкаца и сестру милосердия Домбровскую. Тогда же политкомиссар армии Калнин потребовал от председателя следственной комиссии при ВРТ освободить указанных лиц из-под ареста, чтобы оградить других своих работников от необоснованных претензий⁴², но ответа не последовало.

Следующее столкновение произошло в ноябре, когда по обвинению в пьянстве арестовали ещё одного сотрудника политотдела — заведующего армейской типографией Голубева, дело которого рассматривал ВРТ. В этот раз Калнин решил обойтись без бумажной волокиты и 23 ноября, явившись на его заседание, потребовал его прекратить. Из-за отказа членов судебного органа выполнить данный приказ Калнин распустил трибунал на основании излишней пристрастности последнего по отношению к его подчинённым. В ответ члены трибунала отправили в политотдел записку, в которой обвинили политкомиссара в превышении его полномочий. Однако Революционный военный совет (РВС) 1-й армии поддержал действия Калнина. В телеграмме из штаба армии в ВРТ от 10 декабря 1918 г. сообщалось, что РВС, рассмотрев приговор трибунала по делу о сотрудниках политотдела, обнаружил в обвинении полное отсутствие фактов и принял решение, что их «можно судить общественным мнением и партией». Аналогичным образом было урегулировано дело Голубева. Ещё 23 ноября политкомиссар штаба армии Соловьёв направил в ЧК телеграмму с просьбой освободить Голубева, который вскоре получил от Калнина предписание приступить к своим обязанностям⁴³.

Создание ВРТ осуществлялось исключительно по инициативе армейского командования без согласования с фронтовым руководством, поэтому официальное утверждение данных органов произошло только 3 сентября 1918 г. на

⁴¹ РГВА, ф. 157, оп. 1, д. 2, л. 167.

⁴² Там же, оп. 2, д. 6, л. 12.

⁴³ Там же, л. 13, 18, 34, 35.

заседании РВС Восточного фронта после доклада политкомиссара 1-й армии Куйбышева⁴⁴ (13 сентября решение зафиксировано в приказе по 1-й армии)⁴⁵.

О чрезвычайном характере деятельности армейских судебных органов свидетельствуют следующие положения. Так, после совершения преступления полевого трибунал должен был начать разбирательство немедленно и решать дела «большинством голосов не позже как в 24 часа после собрания вещественного материала». Трибунал не ограничивался какими-либо нормами, за исключением долга совести перед революцией и человеческим достоинством в вынесении приговора вплоть до расстрела, что объяснялось ситуацией военного времени. Приговор, не подлежащий кассации и апелляции, требовалось исполнить сразу после окончательного решения суда⁴⁶. Между тем на дивизионном уровне предпринимались попытки введения состязательности судебного процесса, что не сочеталось с чрезвычайной обстановкой Гражданской войны. Например, состав трибунала Симбирской дивизии, согласно проекту приказа по соединению от 1 августа 1918 г., предполагал одного обвинителя и одного защитника. Кроме того, планировалось сделать из ВРТ кассационную инстанцию для рассмотрения жалоб на решения товарищеских судов. При этом последнюю инициативу Куйбышев не одобрил⁴⁷, а относительно первой каких-либо сведений о работе трибунала дивизии в таком составе не обнаружено.

Особо отмечу, что преимущественно контрреволюционная направленность работы судебных органов прослеживается достаточно ярко. Из 483 лиц, привлечённых армейским ВРТ к ответственности за совершённые в августе 1918 г. — феврале 1919 г. преступления⁴⁸, 121 человек проходил по контрреволюционным делам (из них 61 осудили в декабре 1918 г.⁴⁹). Такая ситуация, возможно, сложилась из-за того, что войска 1-й армии активно наступали в районе дислоцирования оренбургских казаков, значительная часть которых негативно относилась к советской власти⁵⁰. Не исключено также, что причиной увеличения числа осуждённых за контрреволюцию стала в целом успешно налаженная работа сыскных, следственных и судебных органов (аналогичная тенденция прослеживается и по другим видам преступлений).

Кроме того, чекисты проявили невероятную активность, задерживая (по всей видимости, в качестве профилактики) людей, которые не имели часто никакого отношения к лицам, выступавшим против советской власти. Это приводило к тому, что рассмотрение большинства дел заканчивалось оправдательными приговорами. При этом под подозрение работников ЧК попадали лица, которых, исходя из их принадлежности к тому или иному социальному слою (военные специалисты, бывшие помещики, буржуазия, священники), автоматически записывали в контрреволюционеры. Из привлечённых к ответственности по этой статье 483 человек оправдали 136; условный приговор был вынесен

⁴⁴ Военно-политическая деятельность В.В. Куйбышева... С. 98.

⁴⁵ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 102.

⁴⁶ Там же. л. 4—4 об.

⁴⁷ Военно-политическая деятельность В.В. Куйбышева... С. 92—93.

⁴⁸ Из них 223 красноармейца, 201 гражданское лицо, 59 служащих (РГВА, ф. 157, оп. 2, д. 160, л. 107). Данная статистика не включает число дел, рассмотренных дивизионными трибуналами 1-й армии.

⁴⁹ В августе 1918 г. за контрреволюцию были осуждены 3 человека, сентябре — 17, октябре — 8, ноябре — 23, январе/феврале — 9 человек (Там же).

⁵⁰ Там же.

123 подсудимым⁵¹. Наибольшее число осуждённых (43) отпустили именно в декабре 1918 г., когда наблюдался пик арестов контрреволюционеров⁵². Помимо этого, 86 дел были прекращены «за отсутствием состава преступления»⁵³.

Тем не менее среди задержанных действительно были лица, испытывавшие по тем или иным причинам неприязнь по отношению к советской власти, что при условии доказательства данного факта влекло за собой суровое наказание. Уже на первом заседании военного трибунала Пензенской дивизии, состоявшемся 23 августа 1918 г., рассматривались дела об активном содействии «белогвардейцам в дни оставления гор. Кузнецка советскими войсками, а также агитации против Советов». Так, например, дьякона Р.И. Сальникова и его сына «как признанных виновными 1-го в агитации, а 2-го в активном выступлении» судьи постановили расстрелять. «Граждан Александра Михайлова, 16 лет, Валериана Куликова, 16 лет, и Василия Семёнова, 15 лет как действовавших незрительно под угрозой насилия и, принимая во внимание их малолетство, [трибунал] приговорил к двум годам принудительных работ, гражданина Николая Щербакова, 16 лет — на три года... гр. Николая Кондольского, 15 лет — на 6 мес... гражданина Василия Скобеева считать по суду оправданным, но отдать под надзор на шесть месяцев»⁵⁴.

98 человек привлекли к ответственности за грабежи, разбои и кражи. Эти преступления распределены по месяцам довольно равномерно⁵⁵. Однако в отдельные периоды отмечалось некоторое сокращение числа осуждённых: с 23 человек в августе 1918 г. до 13 — в январе/феврале 1919 г.

Так как описания персонального делопроизводства по уголовным преступлениям в документации встречаются часто, можно проследить особенности совершения указанных деяний. В основном причинами преступлений становились чувство вседозволенности и жажда наживы, обусловленные низкой дисциплиной. Например, грабежи осуществлялись солдатами при захвате ими населённых пунктов. Как правило, в этом участвовала достаточно большая группа красноармейцев. В условиях длительной организации сыскных и судебных органов отыскать среди мародёров зачинщиков и привлечь их к ответственности оказывалось практически невозможно. Поэтому в трибуналы, особенно на начальном этапе их функционирования, зачастую попадали совершенно случайные люди, а зачинщикам, вероятно, удавалось ускользнуть. Например, в приказе по армии от 15 июля 1918 г. (одно из первых упоминаний о деятельности армейского ВРТ. — *Е.Н.*) сообщалось о рассмотрении дела о «разгроме» в Заводской решётке Симбирской губ., учинённом тремя красноармейцами, — Ф. Глазковым, А. Комаровым, Г. Антиповым. Впоследствии первым двум объявили строгий выговор за то, что они, «видя расхищение вещей, не принимали никаких мер и способствовали деморализации». Антипова освободили как

⁵¹ В сентябре — 24 человека, октябре — 13, ноябре — 47, декабре — 25, январе/феврале 1919 г. — 14 человек (Там же).

⁵² Там же.

⁵³ В августе — 1 дело, сентябре — 1, октябре — 24, ноябре — 7, декабре — 16, январе/феврале — 37 дел (Там же).

⁵⁴ Молот. 1918. 30 августа. № 116.

⁵⁵ В августе — 23 человека, сентябре — 25, октябре — 14, ноябре — 6, декабре — 17, январе/феврале — 13 человек (РГВА, ф. 157, оп. 2, д. 160, л. 107).

непричастного к разгрому⁵⁶. 30 сентября осуждённые за «вооружённый грабёж» красноармейцы Девкин и Галькин тоже были оправданы⁵⁷.

В некоторых случаях и, видимо, по тем же причинам солдаты прибегали к самочинным обыскам. Например, 31 августа 1918 г. рассматривалось дело о дележе солдатами «денег, отобранных у гражданина Бабенко при обыске начальником отряда Медведевым», а 2 сентября — о присвоении изъятого при обыске револьвера. В итоге всех задержанных приказали «освободить и направить в часть под надзор командира и политического комиссара»⁵⁸. Как правило, приговоры по данному виду преступления также были оправдательными⁵⁹.

Иногда обыски сопровождались эксцессами, что значительно ужесточало меру наказания. Например, во время обыска солдаты Пугачёв и Стучалкин совершили убийство и были арестованы. Однако после побега из тюрьмы и повторного ареста 10 сентября ВРТ приговорил их к расстрелу⁶⁰. Как правило, данные преступления совершались в состоянии алкогольного опьянения. Известно, что распитие спиртных напитков в больших количествах было распространено среди военнослужащих в годы Гражданской войны. Так, на заседании армейского трибунала от 31 августа 1918 г. солдата Г. Краснова и милиционера Е. Кудашева, которые обвинялись в пьянстве и самочинном обыске, приговорили к расстрелу⁶¹.

Наиболее распространённой формой уголовного преступления являлась кража (тайное хищение чужого, преимущественно армейского, имущества), которая оценивалась членами ВРТ как довольно тяжкое деяние. Так, 6 сентября расстрельный приговор был вынесен рабочему поезда снабжения Пензенской дивизии В. Крючкову. Уже имевший судимость, он вёл разгульный образ жизни — воровал сахар, увлекался азартными играми, пьянствовал, а также спаивал других служащих, игнорировал выполнение служебных обязанностей. Даже на заседании военного трибунала Пензенской дивизии обвиняемый вёл себя довольно развязно: будучи пьяным, упорно не признавал вину, скрывал соучастников⁶².

Примечательно, что очень часто военнослужащие воровали именно сахар, что делалось, вероятно, для последующей перепродажи или для изготовления самогона. Но не исключено, что планировалось его использование и в обычных целях. К примеру, 11 сентября армейский трибунал рассматривал достаточно крупное дело о взломе вагона поезда снабжения и краже сахара семью солдатами. В итоге одного красноармейца приговорили к тюремному заключению сроком на год с общественными работами, другого оштрафовали в размере месячного оклада, троих бойцов — на 100 руб., а двоих оправдали⁶³. Воров тоже оправдывали. На заседаниях военного трибунала 7, 17 сентября, 1 октября 1918 г., когда рассматривались дела о краже сахара и семи револьверов, троим обвиняемым (среди которых упоминался А.В. Додолин — командир 3-го батальона Кромского полка) были вынесены оправдательные приговоры⁶⁴.

⁵⁶ Там же, оп. 3, д. 609, л. 18 об.

⁵⁷ Там же, оп. 2, д. 6, л. 58, 59.

⁵⁸ Там же, л. 53, 54, 64.

⁵⁹ Там же, л. 57, 58.

⁶⁰ Там же, л. 57, 77.

⁶¹ Там же, л. 53, 64.

⁶² Там же, ф. 1284, оп. 1, д. 480, л. 84.

⁶³ Там же, ф. 157, оп. 2, д. 6, л. 57, 77.

⁶⁴ Там же, л. 56—59, 61, 77.

Иногда причиной кражи становилась банальная необходимость в обмундировании. Так, красноармейцы Павкин и Ломоносов своровали «по предварительному сговору» четыре пары ботинок. Однако вынесенный 23 сентября 1918 г. приговор оказался достаточно жёстким: красноармейцам назначили три года тюрьмы с общественными работами. Более серьёзно ВРТ 1-й армии оценил кражу вещей из поезда снабжения, совершённую каптенармусом Заневским. 1 октября 1918 г. его приговорили к расстрелу. Вполне возможно, что исключительная мера наказания была обусловлена либо огромными масштабами кражи, либо нарочитой показательностью, вызванной участвовавшими фактами покушения на армейское имущество. В некоторых случаях, наоборот, данный вид преступления карался слишком мягко. Например, красноармейцы Трячков, Чебиляев и Ризван, находясь в состоянии алкогольного опьянения, украли лошадей, за что были приговорены 23 сентября 1918 г. к штрафу по 50 руб. с каждого, при условии внесения денег в трёхдневный срок. Довольно часто воровством занимались именно работники поездов снабжения. К примеру, 7 сентября того же года каптенармуса Я. Густа за присвоение сахара оштрафовали на сумму, равную двухмесячному жалованью⁶⁵.

По 62 человека были привлечены армейским трибуналом за пьянство и преступления по должности. При этом число военнослужащих и местных жителей, оказывавшихся перед судом трибунала, с каждым месяцем увеличивалось, достигнув пика в ноябре (пьянство) и декабре (преступления по должности) 1918 г. После этого количество осуждённых несколько снизилось⁶⁶.

Не отягощённое последствиями пьянство каралось достаточно мягко. Арестованных освобождали из-под ареста или назначали штраф⁶⁷. «Штрафные» приговоры за пьянство выносились неоднократно⁶⁸, например, с августа 1918 г. по февраль 1919 г. — в отношении 72 подсудимых⁶⁹. Повторное же привлечение к ответственности по делу о пьянстве наказывалось строже: так, в начале декабря 1918 г. красноармейца Ананьева приговорили к тюремному заключению сроком на полгода с общественными работами, «ввиду того что он уже привлекался за пьянство... Чрезвычайной комиссией 1-й армии»⁷⁰.

Алкогольное опьянение становилось причиной различных правонарушений, мерой наказаний за которые становились, в основном, принудительные работы на срок от трёх до девяти месяцев⁷¹. Например, 22 августа 1918 г. трибунал рассматривал дело Бабкова, который «состоял на службе в 1-й армии и систематически употреблял спиртные напитки и разъезжал без дела на казённом автомобиле». Однако, «принимая во внимание его сознание себя виновным и показания свидетелей», военный трибунал назначил Бабкову домашний арест

⁶⁵ Там же, л. 57—59, 77.

⁶⁶ За пьянство в августе 1918 г. были задержаны 3 человека, сентябре — 9, октябре — 10, ноябре — 15, декабре — 6, январе/феврале 1919 г. — 19; за преступления по должности в августе 1918 г. — 3 человека, сентябре — 10, октябре — 11, ноябре — 5, декабре — 17, январе/феврале 1919 г. — 16 человек (Там же, д. 160, л. 107).

⁶⁷ Там же, д. 6, л. 53, 55, 62, 64.

⁶⁸ 7 сентября 1918 г. был оштрафован за пьянство Н. Филиппов, 1 октября — милиционер Кротов (на 250 руб.), в случае невнесения суммы ему угрожал трёхнедельный арест (Там же, л. 55, 58, 59, 77).

⁶⁹ В августе 1918 г. оштрафовали 8 человек, сентябре — 14, октябре — 14, ноябре — 23, январе/феврале 1919 г. — 13 человек (Там же, д. 160, л. 107).

⁷⁰ Известия Сызранского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 8 декабря. № 32.

⁷¹ РГВА, ф. 1284, оп. 1, д. 480, л. 82, 91; д. 1078, л. 22.

на две недели с правом выхода на работу⁷². В. Радайкин 4 сентября того же года «за пьянство при занятии поста милиционера» был приговорён к тюремному заключению сроком на два месяца с общественными работами⁷³.

Иногда пьянство сопровождалось «буйством» (применение оружия, вызывающее поведение, а также насилие над местными жителями), что частично перекликалось с предыдущей группой преступлений. На заседаниях ВРТ 1-й армии от 6 и 13 сентября 1918 г. М. Баумана и В. Илларионова, обвинявшихся в бесцельной стрельбе из револьвера и «отобрании» денег под угрозой оружия, осудили на тюремное заключение с общественными работами на шесть и три месяца соответственно⁷⁴.

В Пензенской дивизии, как и в случае с кражами, отличились служащие поезда снабжения — каптенармусы Древин и Янкевич, а также повар Крейс, которые не только обвинялись в пьянстве, «буйстве», насилии над извозчиком, но и в небрежном отношении к своим обязанностям. Некоторые за уже неоднократно упоминавшееся «буйство» (например, красноармеец 2-й Орловской батареи Ф. Лазарев, осуждённый ещё 17 сентября 1918 г.), сопротивляясь аресту, даже применяли оружие.

19 октября 1918 г. за «терроризирование населения и дебош на площади» к ответственности привлекли машиниста 1-го Брянского бронированного поезда И. Куренова и коменданта поезда А. Кувшинникова. У них, уже пьяных, при задержании «была отобрана бутылка спиртного суррогата». При этом приговоры по всем перечисленным делам были одинаковые — принудительные работы от трёх до девяти месяцев⁷⁵.

Пьянство распространялось не только среди красноармейцев. Например, 16 сентября обвинение в употреблении алкогольных напитков было предъявлено председателю одного из волостных советов И. Куркину, но его выпустили из-под ареста, видимо, из-за отсутствия доказательств или непричастности к правонарушению. В тот же день за пьянство и «злоупотребление по службе (пользование казённым автомобилем)» начальника отдела связи штаба 1-й армии Симонова (бывшего офицера) осудили на полгода тюремного заключения с общественными работами⁷⁶.

Кроме того, в 1-й армии фиксировались преступления по должности: неподчинение вышестоящему начальству, безграмотное руководство вооружёнными силами, денежные растраты и взяточничество, а также небрежное отношение к служебным обязанностям. Так, 27 июля 1918 г. за «неисполнение приказа командарма и комиссара и за грубый разговор с последним при исполнении служебных обязанностей» арестовали коменданта станции Рузаевка Шпака⁷⁷. Обвиняемый не только сеял панику в штабе армии и распространял слухи о приближении чехословаков, но и, по словам сослуживцев, «оказался совершенно ненормальным человеком». Однако постановлением армейского ВРТ Шпаку, учитывая его болезненное состояние, определили весьма мягкое наказание: «В течение сорока восьми часов покинуть район, занимаемый

⁷² Там же, ф. 157, оп. 3, д. 628, л. 112.

⁷³ Там же, оп. 2, д. 6, л. 54, 63.

⁷⁴ Там же, л. 54, 55, 62, 63.

⁷⁵ Там же, ф. 1284, оп. 1, д. 480, л. 82, 91; д. 1078, л. 22.

⁷⁶ Там же, ф. 157, оп. 2, д. 6, л. 56, 61; оп. 3, д. 655, л. 1.

⁷⁷ Там же, ф. 1, оп. 3, д. 76, л. 209.

армией», и полгода не занимать каких-либо постов в советских учреждениях и организациях⁷⁸.

18 августа 1918 г. в трибунал поступили дела командного состава Курской бригады Симбирской дивизии, потерпевшей незадолго до этого крупное поражение во время наступления на Симбирск. В ходе расследования выяснилось, что командир бригады И.Х. Азарх (погиб ещё 13 августа) обвинялся в неисполнении боевых приказов и безграмотном командовании, чем «довёл бригаду до полного разложения». Начальник её штаба Ильин не знал своих обязанностей «и своими действиями и распоряжениями сеял панику», а командир 1-го Курского полка Быстров, «бросив полк, прибыл в штаб дивизии с донесением, что его полк разбит»⁷⁹.

Многие штабные работники использовали служебное положение в корыстных целях. К примеру, проведённая в конце августа 1918 г. ревизия отдела снабжения Пензенской дивизии показала, что имело место «полное отсутствие отчётности и системы в работе, что давало полную возможность растрачивать народное хозяйство. Во главе отдела стояли люди сведушие, но постановка работы точно нарочно была вся перепутана. При проверке счетов оказалось, [что] много счетов поддельных и прочих злоупотреблений»⁸⁰. По сообщению политкомиссара соединения в политотдел 1-й армии от 27 августа под строгим надзором взяли 11 сотрудников отдела снабжения, из которых суду военного трибунала подвергли пятерых⁸¹. По некоторым сведениям, «два руководителя отдела снабжения были расстреляны»⁸².

Высшую меру наказания назначили и коменданту штаба Симбирской дивизии Сушко, который брал взятки у зажиточных крестьян, освобождая их дома от постоя⁸³. Небрежное отношение к служебным обязанностям⁸⁴ каралось в основном штрафом или тюремным заключением в случае невнесения определённой суммы (50 руб.)⁸⁵.

В делах ВРТ 1-й армии недостаточно отражены такие распространённые в годы войны явления, как дезертирство и самовольная отлучка⁸⁶. Как правило, их рассматривали дивизионные трибуналы. С августа 1918 г. по февраль 1919 г. за дезертирство были привлечены всего 36⁸⁷, за самовольную отлучку — 23 человека⁸⁸. Больше всего людей армейский ВРТ осудил в осенние месяцы: дезертиров — 24 (октябрь 1918 г.), самовольно отлучившихся — 20 человек (ноябрь)⁸⁹.

⁷⁸ Ополчение бедноты. 1918. 22 августа. № 5(44).

⁷⁹ РГВА, ф. 157, оп. 3, д. 609, л. 65.

⁸⁰ Самсонович Ф.И. О работе в Пензенской дивизии // Годовщина Первой революционной армии. М., 1920. С. 95.

⁸¹ РГВА, ф. 157, оп. 2, д. 574, л. 38.

⁸² Самсонович Ф.И. О работе в Пензенской дивизии. С. 95.

⁸³ Гай Г.Д. Борьба с чехословаками на Средней Волге. М., 1931. С. 36.

⁸⁴ Например, 23 сентября 1918 г. заведующего выдачей продуктов Вольрова оштрафовали на 50 руб. за задержку газет (РГВА, ф. 157, оп. 2, д. 6, л. 57, 58).

⁸⁵ Там же, л. 55, 57, 58, 62, 77.

⁸⁶ Самовольная отлучка отличалась от дезертирства последующим возвращением солдат в часть.

⁸⁷ В августе 1918 г. — 2 человека, октябре — 24, ноябре — 1, декабре — 3, январе/феврале 1919 г. — 6 человек (РГВА, ф. 157, оп. 2, д. 160, л. 107).

⁸⁸ В августе 1918 г. — 1 человек, ноябре — 20, январе/феврале 1919 г. — 2 человека (Там же).

⁸⁹ Там же.

Возможно, что наступление холодов и неудовлетворительные бытовые условия службы военнослужащих являлись вескими причинами их дезертирства.

Рассмотрим несколько способов совершения таких преступлений. Например, если группа солдат покидала формирование непосредственно во время боя, то им назначали исключительную меру наказания. Так, 23 июля 1918 г. были расстреляны «бежавшие с поля боя... изменившие Советам и своим боевым товарищам» восемь бойцов 1-го Украинно-Белорусского полка Инзенской дивизии⁹⁰. 19 августа за «самовольное оставление передовых линий [в] боевой обстановке» к высшей мере наказания приговорили троих красноармейцев Витебского полка Симбирской дивизии⁹¹.

Иногда группа солдат покидала воинские формирования во время перерыва между боевыми действиями, причём некоторые лица не только предварительно готовились к побегу, но и отличались особым упорством. Например, красноармеец Смоленского полка Пензенской дивизии М. Резанов «ушёл самовольно с винтовкой, оставил шинель и переделся в простой пиджак, что непосредственно указывает на заранее обдуманное намерение уклониться от службы». Впоследствии он неоднократно сбежал из-под ареста. 9 сентября 1918 г. суд военного трибунала приговорил его к расстрелу. 20 сентября военный трибунал Пензенской дивизии определил исключительную меру наказания и для красноармейцев 2-го Петроградского полка В. Рябцова и И. Титова за то, что они «ушли при совершении служебных обязанностях, убежали из-под ареста, незаконно реквизировали по дороге лошадь с упряжью, отдали свои винтовки неизвестному лицу»⁹². Всего же за семь месяцев функционирования армейских трибуналов (август 1918 г. — февраль 1919 г.) расстрельные приговоры были вынесены 16 раз⁹³.

Иногда отлучки обуславливались вескими причинами. Например, красноармейцы 2-го Петроградского полка Пензенской дивизии Иван и Алексей Семанины покинули часть из-за того, что начальство проигнорировало неоднократные обращения обоих по поводу их болезни. В результате 7 сентября 1918 г. на заседании военного трибунала этих солдат (с учётом их чистосердечного признания) приговорили к принудительным работам «вне прифронтовой полосы с зачётом предварительного заключения сроком на 1 год каждого». Красноармейца 2-го Орловского полка Пензенской дивизии П. Романова 10 сентября на заседании трибунала оправдали, приняв во внимание тот факт, что он — доброволец, прослуживший четыре месяца, чистосердечно признался в своей «совершённой по незнанию службы» ошибке⁹⁴.

Происходили и курьёзные случаи. Например, солдаты Д. Ладыгин, М. Медведев, И. Корсунов не смогли вовремя вернуться из увольнения, так как односельчане угрожали им насилием за то, что те служили в Красной армии. 8 октября 1918 г. трибунал постановил «отвергнуть обвинение в дезертирстве и считать красноармейцев по суду оправданными»⁹⁵.

⁹⁰ Там же, оп. 3, д. 609, л. 27 об.

⁹¹ Там же, д. 628, л. 64.

⁹² Там же, ф. 1284, оп. 1, д. 480, л. 91, 92.

⁹³ В августе 1918 г. были расстреляны 5 человек, сентябре — 1, октябре — 3, ноябре — 4, декабре — 2, январе/феврале — 1 человек (Там же, ф. 157, оп. 2, д. 160, л. 107).

⁹⁴ Там же, ф. 1284, оп. 1, д. 480, л. 80, 82.

⁹⁵ Там же, д. 1078, л. 14 об.

Остальные преступления были отмечены небольшим числом привлечённых к ответственности: за азартные игры осудили 19 человек⁹⁶, за принадлежность к Белой гвардии⁹⁷ и самосуд⁹⁸ — по 15, за шпионаж⁹⁹ и спекуляцию¹⁰⁰ — по 11, за неисполнение приказа о сдаче оружия — 3 человека¹⁰¹.

Дела о шпионаже, близком, по сути, к «контрреволюционным» преступлениям, как правило, тоже заканчивались или тюремным заключением сроком на год и общественными работами, или оправдательным приговором¹⁰².

Достаточно жёсткие вердикты выносили за нарушения продовольственной политики советской власти (мешочничество, спекуляция, хранение и продажа спирта). 19 августа 1918 г. за мешочничество и провоз спирта по приговору ВРТ расстреляли П. Колотилина¹⁰³, 2 сентября «за злостную спекуляцию» — некоего Пожарова¹⁰⁴, 17 сентября «за спекуляцию предметами первой необходимости» в Рузаевке — нескольких милиционеров¹⁰⁵.

Впоследствии расстрельные приговоры за подобные преступления не выносились. Например, 23 сентября за «провоз вина и мешочничество» заключили в тюрьму сроком на 1,5 года с общественными работами Т. Берёзкина. Обычное мешочничество, а также продажа и хранение спирта наказывались тюремным заключением сроком от года до 1,5 лет с общественными работами. Если же военнослужащие только хранили или сбывали алкогольные напитки, то могли отделаться штрафом¹⁰⁶.

Начальный этап функционирования ВРТ 1-й армии Восточного фронта сопровождался организационной нестабильностью — отсутствием постоянства в штатном и кадровом составех, а также вызванными параллелизмом в работе и превышением полномочий со стороны трибуналов, многочисленными конфликтами с другими территориальными и армейскими судебными, карательными и политическими органами. В итоге несколько раз даже принимались решения (правда, так и оставшиеся на бумаге) о прекращении деятельности армейских трибуналов.

Между тем они исправно подтверждали «амплуа борцов с контрреволюционными преступлениями», количество которых намного превышало число других совершённых красноармейцами или жителями прифронтовой территории деяний. Однако основное внимание армейские и дивизионные судебные органы уделяли разбору уголовных дел и должностных преступлений, не носивших антибольшевистского характера, а вызванных пьянством, низкой дисциплиной солдат и командного состава, а также неналаженностью работы органов снабжения военнослужащих всем необходимым для бытовой жизни и ведения боевых действий. Это провоцировало красноармейцев на грабежи и кражи.

⁹⁶ В августе 1918 г. — 2 человека, ноябре — 14, январе/феврале 1919 г. — 3 (Там же, ф. 157, оп. 2, д. 160, л. 107).

⁹⁷ В ноябре 1918 г. — 2 человека, январе/феврале 1919 г. — 13 человек (Там же).

⁹⁸ В ноябре 1918 г. — 15 человек (Там же).

⁹⁹ В сентябре 1918 г. — 6 человек, январе/феврале 1919 г. — 5 (Там же).

¹⁰⁰ В сентябре 1918 г. — 6 человек, декабре — 2, январе/феврале 1919 г. — 3 человека (Там же).

¹⁰¹ В октябре 1918 г. — 1 человек, декабре — 2 человека (Там же).

¹⁰² Там же, д. 6, л. 55—57, 61—62, 77.

¹⁰³ Там же, оп. 3, д. 628, л. 65.

¹⁰⁴ Там же, оп. 2, д. 6, л. 54, 63.

¹⁰⁵ Красная армия. Издание Военного отдела ВЦИК. 1918. 19 сентября. № 76.

¹⁰⁶ РГВА, ф. 157, оп. 2, д. 6, л. 53—55, 57, 62—64, 77.

Отличительной чертой работы ВРТ 1-й армии Восточного фронта являлось вынесение большого числа оправдательных приговоров преимущественно за контрреволюционные преступления. Возможно, данная особенность была обусловлена несовершенством сыскной деятельности армейской ЧК, сотрудники которой производили задержание при малейшем подозрении. Очень часто вердикт по делу о правонарушении, не отягощённом последствиями, ограничивался денежным штрафом. Ужесточение приговоров (среди которых наиболее распространённым являлось тюремное заключение) происходило в случае совершения сразу нескольких преступлений.